

живается новая—социалистическая семья. В ее укреплении сыграло значительную роль постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. о запрещении аборт^{ов}, увеличении материальной помощи роженицам и т. д. Это постановление воплотило в себе огромную заботу социалистического государства о материнстве, о здоровье женщины и ребенка. Оно является мощным рычагом сохранения здоровья миллионов женщин, воспитания многочисленного здорового поколения детей и укрепления советской семьи.

В то же время в капиталистических странах, особенно в тех, где фашизм уже пробился или пробивается к власти, семья, переживает тягчайший кризис и находится в состоянии разложения. (Фашизм делает семью объектом своей варварской «расистской» политики.) Он всяческими путями стремится поставить женщину в порабощенное положение как в семейной, так и в государственной жизни. Он вытесняет женщину из производства, лишает ее возможности заниматься служебной деятельностью, изгоняет ее из общественной жизни, захлопывает перед ней двери высшей школы.

Фашистские «теоретики» с большой активностью фальсифицируют историю развития семьи. Целью их фальсификаций является оправдание той гнусной политики всестороннего порабощения женщины, которую проводят эти наймиты финансового капитала. Они потому и пытаются доказать «извечность» господства мужчины над женщиной и его «естественность». Они пытаются отрицать такие непреложные исторические факты, как групповой брак и существование матриархата.

Опровержение фашистской лжи, разоблачение фашистской фальсификации в области истории семьи является составной частью нашей общей работы по разоблачению фашистской идеологии—этих отвратительных отбросов гниющего капитализма.

Все эти факты повышают теоретический интерес к вопросам семьи и брака со стороны широких масс трудящихся Советского Союза. Эти массы стремятся ознакомиться с научным, марксо-ленинским пониманием вопросов семьи и брака. К научному работнику, к преподавателю, к пропагандисту обращаются с многочисленными вопросами, касающимися семейно-брачных отношений и их освещения марксизмом-ленинизмом.

Задача создания удовлетворяющей эти запросы научной литературы представляется нам чрезвычайно важной.

В частности, необходимо освещение вопросов возникновения семьи и исторического развития семейно-брачных отношений, характеристика их в условиях различных социально-экономических формаций.

Знакомство с тем, что представляли собою отношения полов на различных исторических ступенях, чем являлась на каждой из них семья, должно помочь советскому читателю осмыслить всемирно-историческое значение того переворота,

который осуществлен в СССР в области семейно-брачных отношений в результате Великой социалистической революции. Это знакомство должно воочию показать неизмеримое превосходство советской, социалистической семьи над всеми формами семейных отношений, которые создавало классовое эксплуататорское общество. Только диктатура рабочего класса, только победоносное строительство социализма под руководством партии Ленина—Сталина могли положить конец эксплуатации человека человеком и в области отношения полов.

▼ Вместе с тем такая работа должна вооружить советского читателя пониманием того, (что всякого рода теорийки «уничтожения семьи», «гибели семьи», «стакана воды», «невмешательства государства и общества в семейную жизнь» и т. д., — под какими бы вывесками мнимой левизны они ни скрывались, — являются проявлением буржуазной или мелкобуржуазной идеологии и потому враждебны марксизму-ленинизму.)

Настоящая книга и имеет целью осветить на основе указаний классиков марксизма-ленинизма *историческое развитие семьи и брака.*

В книге этой частично использован материал из вышедшей в 1929 году работы автора «Социология брака и семьи». Некоторые разделы из нее включены — в переработанном и исправленном виде — в настоящую книгу.

Считаю необходимым в связи с этим указать, что в «Социологии брака и семьи» мною был допущен ряд неправильных утверждений и ошибочных установок по вопросам, связанным с развитием семьи. Так, например, в ней имелись механистические параллели и аналогии между возникновением семейно-брачных отношений в животном мире и их возникновением в человеческом обществе. В ней неправильно приписывалась честь научного обоснования генезиса матриархата немецкому социологу Мюллер-Либэру, в то время как в действительности это обоснование было дано основоположником научного коммунизма Фридрихом Энгельсом. С другой стороны, с именем Энгельса связывалась в книге ошибочная теория «экзогамического инстинкта», которая подвергалась мною критике. Как читатель увидит в соответствующих местах настоящей работы, Энгельс этой теории никогда не придерживался, и потому полемизирование с ней ни в какой степени не может быть адресовано Энгельсу, который во всех вопросах, касающихся происхождения и развития семьи, дал образцы правильного, единственно научного, историко-материалистического понимания их.

Взгляды Каутского и Кунова по вопросам семьи не были подвергнуты четкой и достаточно развернутой критике. Особенно следует подчеркнуть, что (в «Социологии брака и семьи» автор защищал антимарксистскую точку зрения отрицания семьи в социалистическом обществе.) Ошибочность и вредность подобной точки зрения, из которой вытекала и защита не-

вмешательства государства в отношения полов, показана в настоящей книге.

Ошибочные взгляды, неправильность которых за время, прошедшее с тех пор, стала ясна автору, им коренным образом пересмотрены—он от них полностью отказался. Автор полагает, что по всем вопросам в настоящей работе ему удалось дать правильное, марксистско-ленинское освещение вопросов, связанных с историческим развитием семьи и брака.

Считаю нужным указать также, что некоторые из вопросов, связанных с семейно-брачными отношениями первобытного общества, в частности вопрос о социальной обусловленности экзогамии, выдвигаются мною в порядке постановки. Вопрос этот для своего окончательного разрешения требует еще усиленного внимания исследователей, дальнейшего собирания и тщательной разработки соответствующих материалов в свете марксизма-ленинизма.

Само собою разумеется, что в предлагаемой вниманию читателя книге я пытаюсь дать характеристику лишь важнейших, основных моментов исторического развития семьи и брака. Подробная же, развернутая история семейно-брачных отношений человечества требует ряда фундаментальных работ, посвященных отдельным вопросам этой истории.

Хочется высказать уверенность, что эти работы будут даны советскими учеными, пред которыми Сталинская Конституция раскрыла необозримые горизонты научного исследования и творчества.

ВВЕДЕНИЕ

Вопросами семьи и брака, их происхождения и развития наука занимается очень давно. Путешественники описывали различные формы семьи и брака, которые им приходилось встречать у разных народов, этнографы нагромождали большое количество сырого материала, посвященного семейным и брачным формам, историки культуры вкрапчивали в свои общие труды отдельные страницы о семье. Все это изучение семейно-брачных отношений носило по преимуществу *описательный* характер, оно не выходило за пределы разрозненных фактов, не углублялось до понимания обусловленности семейно-брачных отношений общественным строем, не поднималось до выяснения социальной закономерности в развитии семьи и брака.

Если вся социология была, по указанию В. И. Ленина, возведена на степень науки лишь марксизмом, то особенно это сказалось в наиболее отставшей области социологии, так называемой генеомии, изучающей вопросы семьи. До Маркса генеомия, как и вся социология, не выходила за пределы частных описаний, коллекционирования отрывочных и несистематизированных фактов из области семейной жизни. Лишь переворот, произведенный Марксом и Энгельсом в деле научного исследования в области общественных наук, лишь материалистическое понимание истории создали возможность перейти к подлинно научному анализу развития брака и семьи, к вскрытию исторических закономерностей этого развития.

Основоположники научного социализма придавали очень большое значение изучению вопроса семьи и брака. Маркс, как это засвидетельствовано его ближайшим соратником Фридрихом Энгельсом, мечтал написать специальную работу, посвященную диалектико-материалистическому исследованию вопросов семьи. О глубокой основательности его намерений свидетельствуют, например, оставшиеся после Маркса кропотливо составленные им конспекты работ Моргана, Мэна и Леббока, посвященных этой проблеме. В ряде замечаний Маркса по вопросам брака и семьи в «Немецкой идеологии», «Коммунисти-

ческом манифесте» и во многих других работах, в классической работе Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», которую сам Энгельс рассматривал, как выполнение завещания Маркса, основоположники марксизма изложили единственно-научное, диалектико-материалистическое учение о браке и семье.

Семья на протяжении всей истории развивается и видоизменяется в зависимости от общего хода исторического процесса, от характера общественных отношений каждой данной эпохи. В семье осуществляется впервые разделение труда, в ней зарождается и развивается собственность в ее первичных формах. Семья представляет своеобразный социальный микрокосм. «Она заключает в себе в *миниатюре* все противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и его государстве»¹.

Семья представляет собою социальное единство, являющееся одной из первичных ячеек общественной жизни. Члены этой общественной ячейки связаны между собой реальными, в первую очередь материальными взаимоотношениями. В пределах этой общественной ячейки происходит первоначальное воспитание будущего члена общества, осуществляется прививка личности трудовых навыков. Здесь человек впервые получает установки, формирующие его моральные, эстетические и другие идеологические взгляды. Семья является первым конкретным воплощением той социальной среды, которая формирует личность.

Отношения полов и поколений являются одной из основных сторон единого общественного процесса. Огромной важности факт, который следует иметь в виду при изучении исторического процесса, заключается в том, что люди, ежедневно заново производящие свою собственную жизнь, начинают производить других людей, размножаться: это — отношение между мужем и женой, родителями и детьми — *семья*»².

История семьи представляет собой историю смены одних семейных форм, рожденных определенной социально-экономической формацией, новыми, более соответствующими состоянию производительных сил эпохи и ее производственным отношениям.

Для марксизма не существует «семьи вообще», а только конкретно-исторические формы семьи. Маркс и Энгельс указывали, что семья «должна... рассматриваться и изучаться согласно существующим эмпирическим данным, а не согласно «понятию семьи»...»³.

Идеалистическое извращение действительности, объявляющее реальные общественные отношения результатом идей,

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, 1933 г., стр. 80.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IV, «Немецкая идеология», стр. 19.

³ Там же.

и в области изучения семьи и брака построено на многочисленных фальсификациях.

Идеализм набрасывает покрывало таинственного, мистического, потустороннего на такие ясные социальные факты, какими являются брак и семья. Он объявляет брак вневременной и внепространственной априорной категорией (Герман Кайзерлинг), аналитической ситуацией (Ганс Гаттингберг), воплощением тайны и святости (Лео Бек), священным заветом (Иозеф Бернгарт) и т. д.

Происхождение брака и эволюцию брачных форм идеализм пытается вывести из мистических идей, владеющих сознанием человечества, из «функциональных импульсов», которые «не только у людей, но по крайней мере у всех высших организмов скрывают в себе потенциально-религиозное содержание», как заявляет один из наиболее далеко идущих идеалистических исследователей брака¹.

Вся эта мистификаторская болтовня имеет совершенно определенную цель—вытравить из института брака его социальное содержание, лишить его признаков земных, человеческих реальных отношений, превратить в мистическую категорию.

Таким путем буржуазные ученые пытаются увековечить как «природные», «естественные» и «неизменные» те формы семейно-брачных отношений, которые господствуют в классовом обществе и целиком отображают его эксплуататорский характер.

Г Ту же цель преследуют буржуазные ученые, биологизируя такие явления, как брак и семья. В таком случае семейно-брачные отношения рассматриваются исключительно как продукт сексуального инстинкта, как результат присущего всему животному миру полового влечения; игнорируются закономерности общественного развития, распространяющиеся и на семейно-брачные отношения людей.

Буржуазно-идеалистическая философия ставит семейно-брачные формы в зависимость от идей общественного человека, его религиозных верований, его философских взглядов, а сексуальный инстинкт объявляет основным и решающим фактором всей общественной жизни. У Шопенгауэра, например, половые отношения—«незримый центр всяких дел и стремлений». «Они—причина войны и цель мира, основа серьезности и мишень шутки, неиссякаемый источник остроумия, ключ ко всем игривостям и смысл всех тайных намеков, всех невысказанных желаний и всех вкрадчивых взоров». Половой инстинкт, по Шопенгауэру, «как истинный и наследственный владыка мира, по собственному произволению и по полномочию, восседает на своем родовом престоле и оттуда саркастически смотрит на те

Эрнст Краулей, Мистическая роза. Исследование о первобытном браке, пер. М. Чепинской, изд. А. Суворина, Спб. 1905, стр. 479.

меры, которые принимают для того, чтобы его смирить, вернуть в темницу...»¹.

Таким образом идеализм ставит реальные общественные отношения в зависимость от сексуального инстинкта, от половых влечений, извечно присущих человеческой природе. *Половой инстинкт превращается у идеалистов в своего рода диктатора общественной жизни.*

Даже специфическое качество общественного человека—его активное воздействие на природу—ставится ими в зависимость от «диктаторствующего пола». Подобные взгляды подчас находили сочувственный отклик даже в советской литературе. «Номо вариенс,—утверждал, например, в свое время проф. А. В. Немиллов,—победил на своем пути филогенетического развития именно благодаря тому, что приобрел во-время несомерно большие половые органы, в которых развился не генеративный отдел, а инкреторный. Вечно возбуждаемый этой волной мощных раздражений из тазовых органов, человек стал тем, чем он есть, т. е. существом, научившимся готовить орудия производства и использовать их для целевого труда. Так как то особенное, что есть в человеке (Номо вариенс), по сравнению с животными, связано именно с полом, то ясно, что уйти из-под власти пола человек не может: вне пола нет и человека»².

Биологизация всей общественной жизни, в том числе и социальных явлений, возникающих на почве отношений полов, выкладывает на первый взгляд весьма «материалистически». Но такого рода ультраматериализм, рассматривающий общество как стадо самцов и самок, в сущности является изнанкой самого вульгарного идеализма—он игнорирует действительные и решающие силы социального процесса, дает ложное, извращенное понимание его, затушевывает тот факт, что «в половой жизни проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой, будь оно возвышенно или низко»³.

Многочисленные буржуазные ученые, исследуя вопросы происхождения семьи и брака, базируются на явлениях, имеющих место в животной среде. Как известно, так поступал, например, Вестермарк, доказывая извечность и «природную» исконность моногамии. Так поступали Мак-Ленан, Старке и ряд других ученых вплоть до Зигмунда Фрейда, перенося принципы зоологической семейной организации на первобытное человечество.

Энгельс, полемизируя с современными ему «биологизаторами» семейных отношений, выявил огромную принципиальную разницу, какая имеется между формами семьи любого животного

¹ Артур Шопенгауэр, Мир как воля и представление, пер. Айхенвальда, М. 1901, стр. 530.

² Проф. А. В. Немиллов, Биологическая трагедия женщины, изд. «Сентябрь», изд. 3-е, Л. 1927, стр. 17—18.

³ К. Цеткин, О Ленине, воспоминания, М. 1925, стр. 16.

и первобытного человека. Животная семья находится в антагонизме к стае. Ревность самцов тормозит развитие стаи, а подчас делает невозможным даже ее образование. У людей же ревность—чувство, развившееся лишь на относительно поздних ступенях. Превращение животного в человека происходило в обстановке сексуальной терпимости и отсутствия ревности. В иных условиях затруднялось бы образование коллективов, позволивших человеку перешагнуть линию, отделяющую его от всего животного мира. Энгельс считал, что «животная семья и первобытное человеческое общество—вещи несовместимые; что первобытные люди, поднявшиеся из животного состояния, либо вовсе не знали семьи, либо, самое большее, имели такую семью, которая у животных не встречается»¹. Энгельс показал методологическую бесплодность ссылок на брак у животных для уяснения семейных отношений первобытного общества, выявил научную несостоятельность попыток проводить параллели между формами семьи у человекоподобных обезьян и первобытных людей, установил, что для характеристики семьи первобытного общества стада животных могут иметь лишь отрицательное значение.

Разоблачая вульгарных биологизаторов семейных отношений, Энгельс был далек от того, чтобы игнорировать роль биологического момента в образовании этих отношений, чтобы умалаять значение родового момента во всем общественном процессе. Наоборот, он этому моменту придавал особо большое значение. Достаточно напомнить его знаменитое указание, сделанное в предисловии к первому изданию «Происхождения семьи, частной собственности и государства»: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно двоякого рода. С одной стороны—производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой—производство самого человека, продолжение вида»².

Основоположники научного коммунизма считали, что с самых ранних ступеней исторического развития общества оно определяется отношениями, возникающими на почве производства средств, необходимых для удовлетворения потребностей, на почве образования новых потребностей и на почве половых отношений—производства нового поколения людей.

Маркс и Энгельс при этом резко подчеркивали, что «эти три стороны социальной деятельности следует рассматривать не как три различные ступени, а именно лишь как три стороны, или... как три «момента», которые совместно существовали с са-

¹ Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 55.

² Там-же, стр. 25—26.

мого начала истории, со времени первых людей, и которые имеют силу в истории еще и теперь. «Производство жизни—как собственной, посредством труда, так и чужой, посредством рождения—сразу появляется в качестве двойного отношения: с одной стороны, в качестве естественного, а с другой, в качестве общественного отношения, общественного в том смысле, что имеется в виду сотрудничество ряда индивидов, безразлично при каких условиях, каким образом и для какой цели»¹.

Чрезвычайно характерно, что это указание Энгельса, имеющее огромное теоретическое значение, сделалось объектом усиленных нападков всякого рода врагов и фальсификаторов марксизма: буржуазных ученых, народнических и меньшевистских теоретиков. Они пытались доказать, что, отводя такую большую роль в общественном процессе «производству людей», Энгельс отступает от материалистического понимания истории, разрушает «единство» марксизма, изобличали его в «противоречиях», «непоследовательности» и «эклектизме». Единственное, что доказала многочисленная фаланга «критиков» Энгельса—от Масарика и Михайловского до Каутского и Кунова,—это то, что им совершенно недоступно понимание цельного, монистического характера марксизма, что они не в состоянии выйти за пределы механического противопоставления друг другу экономического и идеологического «факторов». С подобного рода «критиками» блестяще расправился Ленин во время своей полемики с народническим идеологом Михайловским.

Ленин показал, что родовые отношения являются одной из сторон тех *реальных* общественных отношений, на которых зиждятся различные идеологические надстройки. И когда Михайловский, критикуя приведенные положения Энгельса, скакал и играл по поводу того, что вот, мол, марксизм, объясняющий всю историю «экономическим фактором», оказался вынужденным апеллировать к такому *неэкономическому* фактору, как деторождение, он получил следующую отповедь Ленина: «Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое мирозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея (совершенно определенно выраженная хотя бы в вышеприведенной цитате из Маркса) состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми, складывающимися помимо воли и сознания человека, как (результат) форма деятельности человека, направленной на поддержание его существования. Объяснения политико-юридических форм—говорит Маркс в вышеприведенной цитате—надо искать в «материальных жизненных отношениях». Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по

детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?»¹.

Эта сокрушающая ленинская отповедь относится не только к одному Михайловскому, а ко всем тем «критикам», которые на тот же фальсификаторский манер пытаются изобличать «непоследовательность» марксизма в вопросе о месте и роли семейных отношений в общественном процессе. В вышеприведенных ярчайших словах Ленина находится ответ и тем, кто занимается вульгарным антимарксистским «экономизированием» семейных и половых отношений первобытного общества, сводя их к голому «экономическому фактору» и игнорируя тот факт, что «на этой ступени способ производства играет не столь решающую роль, как степень распада старых кровных связей и старой взаимной общности полов (sexus) у племени»².

Мы уже подчеркивали, что марксизму-ленинизму чужд метафизический подход к семье «как таковой», что мы должны рассматривать семейные отношения конкретно-исторически, на фоне определенных социально-экономических формаций и в неразрывной зависимости от них. Важнейшее требование, которое предъявляет при этом диалектический материализм, заключается в том, чтобы показать семью каждой исторической эпохи в ее конкретных исторических очертаниях, избегая схематизма и вскрывая закономерности, которым подчинена в своем развитии семейно-брачная организация. «Однаково нелепо, — писал Маркс в «Капитале», — считать абсолютной формой семьи христианско-германскую форму или древне-римскую, или древне-греческую, или восточную, которые, впрочем, связаны между собою последовательностью исторического развития»³. Следует особо подчеркнуть, что, изучая историческую эволюцию отношений полов, мы не должны сводить их непосредственно к экономическому базису, а брать их в связи со всеми общественными отношениями.

Г. Моменты производства и воспроизводства непосредственной жизни находятся между собой в постоянном определенном взаимодействии, но значение каждого из них на различных стадиях исторического процесса далеко не одинаково. Первостепенная на самых ранних стадиях роль «производства людей» (кровные связи) в процессе дальнейшего общественного развития начинает отступать на задний план. Поэтому «семья, которая вначале была единственным социальным отношением, впоследствии, когда умножившиеся потребности порождают новые общественные отношения, а размножившееся население — новые потребности, становится... подчиненным отноше-

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 70.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXIV, стр. 598, из письма Энгельса к Марксу.

³ Маркс, Капитал, изд. 1936 г., т. I, стр. 407.